

АЛЕКСАНДР ПОЛОВЦОВ

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

ПАТРИОТ И РЕФОРМАТОР

«О ПЕТРЕ ВЕДАЙТЕ, ЧТО ЖИЗНЬ ЕМУ НЕ ДОРОГА, ТОЛЬКО БЫ ЖИЛА РОССИЯ
В БЛАГОДЕНСТВИИ И СЛАВЕ»

Александр Александрович Половцов Петр Великий – патриот и реформатор

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64919526
Петр Великий – патриот и реформатор. / Половцов А.А.:
Центрполиграф; Москва; 2021
ISBN 978-5-227-09444-5*

Аннотация

Для русского человека имя императора Петра Великого – знаковое: одержимый идеей служения Отечеству, царь-реформатор шел вперед, следуя выбранному принципу «О Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, только бы жила Россия в благоденствии и славе». Историки писали о Петре I много и часто. Его жизнь и деяния становились предметом научных исследований, художественной прозы, поэтических произведений, облик Петра многократно отражен в изобразительном искусстве. Все это сделало образ Петра Великого еще более многогранным.

Обратился к нему и автор этой книги – Александр Половцов, дипломат, этнограф, специалист по изучению языков и культуры Востока, историк искусства, собиратель и коллекционер. К изучению личности Петра Великого автор пришел в 1930-е годы,

написав свое исследование на основе малоизвестного в то время дневника камер-юнкера Фридриха Вильгельма фон Берхгольца. Сочинение не было издано при жизни Половцова, но этот труд, бесспорно, найдет сегодня своего читателя.

В преддверии 350-летия со дня рождения Петра I эта книга займет свое достойное место как в петровской историографии, так и в обширном собрании литературы русского зарубежья.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Александр Половцов: путь к Петру Великому	8
Образ императора Петра Великого в печатной графике	32
I. Историческая роль Петра Великого	60
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Александр Половцов

**Петр Великий – патриот и
реформатор. Уникальное**

исследование на основе

дневника камер-

юнкера Фридриха

Вильгельма фон Берхольца

«О Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, только бы жила Россия в благоденствии и славе»

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2021

© «Центрполиграф», 2021

Александр Половцов: путь к Петру Великому

Для каждого русского человека имя императора Петра Великого – знаковое: одержимый идеей служения Отечеству, царь-реформатор шел вперед, следуя выбранному принципу «О Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, только бы жила Россия в благоденствии и славе». Историки писали о Петре I много и часто, по-разному оценивая его характер, жизненные принципы и методы управления. Жизнь и деяния Петра становились предметом научных исследований, художественной прозы, поэтических произведений, его облик отражен в изобразительном искусстве. Все это сделало образ Петра Великого еще более многогранным.

Обратился к нему и автор этой книги – Александр Александрович Половцов-младший (1867–1944), дипломат, этнограф, специалист по изучению языков и культуры Востока, историк искусства, собиратель и коллекционер. Значительную часть своей жизни он прожил вдали от родины, в эмиграции, и к изучению личности Петра Великого пришел в 1930-е годы, написав свое исследование на основе малоизвестного в то время дневника камер-юнкера Фридриха Вильгельма фон Берхгольца. Голштинский дворянин, приехавший в Россию вместе с герцогом Карлом-Фридрихом Голь-

штейн-Готторпским, женихом старшей дочери Петра I Анны Петровны, прожил здесь шесть лет и выступил обстоятельным бытописателем ранней истории Петербурга. С 1721 по 1726 год юноша подробно фиксировал все значительные события придворной жизни.

Сочинение А.А. Половцова о Петре Великом не было издано при его жизни, как другие исследования, посвященные русской истории и опубликованные в Лондоне и Париже¹. Рукопись книги хранится в его личном фонде в архиве Йельского университета в Соединенных Штатах Америки², куда документы и материалы попали после его смерти в 1944 году. В этот архив привел меня интерес к деятельности А.А. Половцова, стоявшего в первые послереволюционные годы у истоков новой жизни пригородных императорских дворцов: Царского Села, Гатчины, Петергофа, Павловска. Прочитав рукопись, которую, к сожалению, пока не удастся точно датировать, я пришла к убеждению, что труд А.А. Половцова найдет сегодня своего читателя и будет ему интересен.

В преддверии 350-летия со дня рождения Петра I эта книга сможет занять свое достойное место как в петровской ис-

¹ *Alexandre Polovtsoff. Les tresors d'art en Russie sous le regime bolcheviste. Paris, 1919; The Land of the Timur. London, 1932; The Call of the Siren. London, 1932; Les favoris de Catherine la Grande». Paris, 1939.* Все высказывания А.А. Половцова автор приводит по изданию «Сокровища русского искусства в руках большевиков» в собственном переводе. На русском языке книга не издавалась.

² Приношу благодарность исследователю Владимиру Герасимову, указавшему место хранения архива А.А. Половцова.

ториографии, так и в обширном собрании литературы русского зарубежья. Рассказ о Петре Великом станет и своеобразным портретом его автора – Александра Александровича Половцова, судьба которого, полная поисков, открытий, противоречий и драматических событий, достойна отдельного рассказа.

Александр Половцов с детских лет рос ценителем искусства: любовь к прекрасному была заложена в нем на генном уровне. История его происхождения необычна: мать – Надежда Михайловна Юнева (Юнина, Юнева) – волею обстоятельств стала приемной дочерью одного из самых богатых людей России, барона Александра Людвиговича фон Штиглица: финансиста, управляющего Государственным банком России, промышленника, коллекционера, мецената и благотворителя. Существует распространенная версия, что ее родной отец – великий князь Михаил Павлович, младший сын императора Павла I. В июне 1844 года малышку в дорогом одеяле в плетеной корзине подкинули в кусты сирени в саду дачи А.Л. Штиглица. Записка содержала ее имя, отчество и дату рождения – «Надежда Михайловна, 10 декабря 1843 год», и барон Штиглиц, возможно, заранее подготовленный, принял девочку. Скоро император Николай I пригласил его для конфиденциального разговора, поведал о ее истинном происхождении, попросил скрыть грехи любимого брата и вырастить племянницу императора, как родную

дочь. Отказаться от такого предложения вряд ли представлялось возможным...

Чета Штиглиц была бездетной, новые родители к дочке привязались, подарили ей семейное тепло, а со временем определили Надежде Михайловне хорошее приданое и выдали замуж за Александра Александровича Половцова. Высокопоставленному правительственному чиновнику, статс-секретарю Александра III, этот брак принес серьезные богатства и владения на заводах и шахтах Урала. Сын Половцова-старшего Александр стал наследником барона Штиглица, его семье в Петербурге принадлежали два роскошных дома и дача на Каменном острове. Когда Александру исполнилось пять лет, отец, отправлявшийся в Лондон, спросил, что привезти сыну в подарок. Услышав в ответ: «Слона», понял, что мальчик с детства умеет мыслить масштабно. Правда, слона он не получил, но понимание необъятности мира стало основой его жизненного восприятия.

Родители много времени проводили в Париже, где, бывая в театрах и музеях, посетив Всемирную Парижскую выставку 1878 года, Половцов много понял и впоследствии писал: «Когда они увидели мой интерес к музею, они взрастили во мне эту склонность; даже когда я был ребенком, мой отец брал меня с собой для просмотра частных коллекций». Внутренний мир Александра Александровича сформировало положение семьи в обществе, достойное окружение друзей и соратников и интерес к искусству. Природный дар к

языкам и возможность далеких путешествий со временем тоже сделали свое дело.

Александр учился в Императорском училище правоведения, затем стал курсантом Конной гвардии, поступил на службу, но вскоре отказался от военной жизни. Вместе с тем, эта жизнь ввела его в круг влиятельных людей, многие из которых в будущем оказались ему весьма полезны как любители и коллекционеры произведений искусства. В 1876 году на средства А.Л. Штиглица в Петербурге было создано Центральное училище технического рисования, в 1885 году по проекту М.Е. Месмахера при нем появилось здание музея, в отделке интерьеров которого приняли участие студенты училища. Торжественное открытие экотозиции состоялось в мае 1896 года в присутствии членов императорской семьи.

В основу музейного собрания были положены коллекции самого барона А.Л. Штиглица и старших Половцовых. В дальнейшем их огромные средства позволили построить роскошное здание галереи со стеклянной крышей в стиле эпохи Ренессанса, в котором хранилась одна из самых масштабных коллекций декоративного искусства в России. Рано поняв, что реализовать себя хочет в мире искусства, Половцов-младший в 1898 году стал членом правления музея, занялся выставочной деятельностью и продолжил формирование семейной коллекции.

К этому времени он служил в Министерстве внутренних дел и по долгу службы много путешествовал: в Сибири запи-

сывал наблюдения о жизни местного населения, в Туркестане знакомился с бытом русских поселенцев, работал как этнограф и выполнял дипломатические миссии. Он настолько полюбил этот край, что построил для себя в Ташкенте дом, любил ходить по местным базарам, посещал службы, учил язык. Здесь Половцов начал общаться с великим князем Николаем Константиновичем, старшим сыном великого князя Константина Николаевича, высланным из Петербурга в 1882 году после ряда семейных скандалов. Внук императора Николая I, племянник Александра II и кузен Александра III жил уединенно, занимался предпринимательством и собрал значительную коллекцию изобразительного и декоративного искусства, каталог которой издали при участии Половцова и на его средства³.

Судьба свела молодого Половцова с Уинстоном Черчиллем, который помог организовать его первую поездку в Англию, где Александр познакомился с влиятельными людьми из мира искусства и стал убежденным англофилом. В 1907 году он получил назначение генеральным консулом России в Бомбее, до 1914 года много путешествовал по Ближнему Востоку и Европе. Обладая общительным характером, всюду легко заводил контакты. Он постоянно покупал произведения для Музея Штиглица, множил свои знания, посетил

³ Произведения из коллекции Николая Константиновича в 1918 году легли в основу коллекции Государственного музея Узбекистана, который до 1935 года находился в его бывшем дворце.

Артура Эванса на его раскопках в Кноссе и даже посидел на троне царя Миноса.

Бывая в Италии, Половцов особо обращал внимание на произведения искусства эпохи Ренессанса. Во Флоренции произошло его сближение с великим князем Павлом Александровичем и его супругой, которых он консультировал при покупке художественных ценностей. Прочные партнерские отношения связали Половцова с европейскими коллекционерами и антикварами, которые знали его особый интерес к культуре России. В начале Первой мировой войны при его участии в Музее Штиглица была организована выставка церковных древностей, в которой приняли участие императрица-мать Мария Федоровна и четыре ее внучки – дочери императора Николая II. Весь доход от работы выставки пошел в пользу «Татьянинского комитета», созданного великой княжной Татьяной Николаевной для оказания помощи пострадавшим от военных действий.

Дипломатическая деятельность Половцова продолжалась до 1916 года. После обострения политической ситуации, отречения императора от престола и образования Временного правительства жизнь в Петербурге, ставшем теперь Петроградом, резко изменилась. Война продолжалась, полиция разваливалась, рабочие бастовали, солдаты массово дезертировали, толпы голодных и безработных грабили и громили все вокруг. Дворцы и художественные коллекции оказались в опасности. А.В. Луначарский, первый нарком просвеще-

ния, намеревался в своей деятельности опереться на вновь образованные творческие организации, объединившие деятелей культуры («Союз деятелей искусств» и другие), однако не встретил поддержки. Временное правительство сформировало Художественно-исторические комиссии, которые сыграли важнейшую роль в деле сохранения культурного наследия, организовав учет и охрану хранившихся во дворцах Петрограда и пригородов ценностей.

В этот момент Половцов оказался в числе немногочисленных людей, занимавшихся становлением новой музейной системы и сохранением памятников. «Эти люди захотели и смогли взять на себя ответственность возглавить на местах охранительные аппараты этих дворцов, превратившихся в музеи. Имена их – Верещагина, Надеждина, Половцова, Зубова, Ятманова, Ерыкалова, Вейнера, Вл. Макарова, Яковлева, Беренштама, Телеповоровского – останутся памятными в истории русского музейного дела, ибо все они (и почти в одинаковой степени) оказались на высоте поставленной задачи», – напишет впоследствии А.Н. Бенуа⁴.

Пригородные дворцы, ранее находившиеся в ведении Министерства Императорского двора и управлявшиеся дворцовыми управлениями, теперь были национализированы и должны были стать музеями. На первом этапе их возглави-

⁴ Александр Бенуа размышляет...: Сб. статей, писем, высказываний А.Н. Бенуа о художественной жизни 1917–1960 гг. / сост. И.С. Зильберштейн, А.Н. Савинов. М., 1968. С. 73.

ли представители творческой интеллигенции Петрограда, не имевшие профессионального музейного опыта, но обеспокоенные судьбой дворцов и коллекций. Первым директором Петергофских музеев стал Ф.Г. Беренштам, музеи Царского Села возглавил Г.К. Лукомский, ответственность за Гатчину взял на себя граф В.П. Зубов, близкий друг Половцова (их семьи познакомились в 1887 году, когда граф П.А. Зубов продал Половцовым дом под № 47 на Большой Морской улице).

В ноябре 1917 года пятидесятилетний А.А. Половцов получил должность комиссара Павловского дворца по художественной части. Инициатива этого назначения принадлежала А.В. Луначарскому, который тогда получил возможность поставить на важные должности в культуре истинных интеллигентов, невзирая на их классовую принадлежность. Движимый любовью и интересом к культуре, Половцов, как представитель высшей аристократии, не нуждался в содержании, которое обеспечивала новая должность. Правнук императора Павла I, товарищ министра иностранных дел, дипломат, директор и член Совета Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица, он пришел в Павловск, чтобы охранять свое потомственное владение.

В сложнейший исторический момент Половцов и его единомышленники придерживались общей идеи: «Политическую платформу мы не разделяем, потому что мы не социа-

листы и не буржуи, а просто деятели искусства»⁵. Их удивляло, что победивший пролетариат в лице руководителей культуры не желает понять природу музея и законы его существования. По свидетельству Н.К. Крупской, музеи В.И. Ленина не интересовали, и она писала, что «ни Эрмитаж, ни Лувр не могли его отвлечь от мечтаний о мировом пожаре»⁶.

Большинство коллег Половцова не были согласны с идеологией победившего пролетариата, но ради спасения художественных ценностей и спасения собственных жизней они оставались в распоряжении новой власти. «У нас было только два принципа: первый – полностью отойти от политики, второй – объединить усилия профессионалов, готовых посвятить себя сохранению художественных сокровищ, которые два столетия хранились в столице и ее ближайших окрестностях», – писал Половцов в эмиграции.

Осенью 1917 года он не одобрил эвакуацию художественных коллекций из Петрограда в Москву, убежденный, что для произведений искусства, являющихся общечеловеческими ценностями, будет лучше оказаться в целостности в руках неприятеля, чем погибнуть в пути на разрушенных железных дорогах. Тем не менее, он вынужден был принять участие в подготовке собраний к перевозке и оказался прав: «мирная» позиция привела к тому, что дворцы Петрограда были сохранены, а количество музеев возросло за счет быв-

⁵ *Грбавь И.Э.* Моя жизнь (Автобиография). М.-Л., 1937. С. 19.

⁶ *Петров Г.Ф.* Музеи Санкт-Петербурга в потоке времени. СПб., 2005. С. 273.

ших царских резиденций.

Однако постепенно руководство структурами охраны памятников перешло к людям совершенно нового склада. Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Петрограда возглавил Г.С. Ятманов – малообразованный человек, к которому деятели искусства должны были обращаться с просьбами о помощи в защите культурных ценностей. В 1918 году в прессе начала нагнетаться истерия по поводу продажи художественных ценностей за границу – в Европу, а особенно – в Америку. Распространились сведения, что мировые цены на антиквариат резко подскочили, и специально созданные американские корпорации выделяли миллионы долларов на покупку произведений искусства в России.

Подобная информация была недостоверной: в 1918 году вывоз ценностей из России не носил масштабного характера, поскольку представители крупных аукционных домов боялись ехать сюда, и создание сети иностранных агентов было невозможно. Массовые распродажи начались в середине 1920-х годов, когда многие владельцы произведений искусства начали продавать их, чтобы обеспечить свое существование. Тогда же появились люди, пристально следившие за процессом эмиграции, которые стремились захватить коллекции, брошенные владельцами.

В январе 1918 года на заседании Центральной художественной комиссии А.А. Половцов выступил с предложени-

ем преобразовать покинутые хозяевами дворцы в музеи и хранить в них оставшиеся бесхозными частные собрания. Идея понравилась, ее поддержал А.В. Луначарский и пообещал содействие Наркомпроса. Срочно образованная комиссия определила состав дворцов, которые должны были получить статус «музеев дворянского быта».

К концу года система управления пригородными дворцами-музеями изменилась. Отдел имущества Наркомпроса учредил новый порядок: во главе каждого дворца ставился комиссар, ведавший административно-хозяйственной деятельностью музея. Одновременно с ним назначался хранитель, занимавшийся научной, хранительской и экспозиционной работой. Вполне понятно, что это были люди разной классовой принадлежности, и в каждом музее фактически образовывалось двоевластие: комиссары осуществляли руководство, не понимая специфики музейной работы, а компетентные хранители не имели никаких прав. Это решение стало началом краха музейной политики первых послереволюционных месяцев.

А.В. Луначарский, размышляя о будущем памятников, обсуждал его с А.А. Половцовым. «Почему эти дворцы привлекают? Почему они тешат? Почему в них устремляются толпы обывателей, в особенности же рабочих? Потому что они грандиозны и в грандиозности своей художественно закончены. Когда народ сам создаст свои приемные залы, свои залы для танцев молодежи, свои народные дворцы, и со-

здаст их, конечно, еще грандиознее и во многом совершеннее в другом типе. Но он ни у кого другого не научится той ослепляющей шири, тому художественному размаху, которые именно дворянство дало во время своего апогея», – писал нарком⁷.

Надеясь на достойное решение судьбы императорских и великокняжеских дворцов и аристократических особняков, Половцов был взволнован судьбой частных коллекций. Он понял, что позитивная работа с большевиками и А.В. Луначарским позволит ему сохранить и свое, и другие собрания. В этом ему должны были помочь опыт собирателя и, что гораздо важнее, дипломатические навыки. Добываясь необходимой помощи от Луначарского, он при этом признавался: «Я никогда не понимал, как такой прекрасный многогранный человек, обладающий развитой эстетической культурой, добровольно стал членом труппы диких орангутанов, узурпировавших и злоупотребляющих властью, уничтожающих все, что делает жизнь приемлемой»⁸.

С начала 1918 года Луначарский работал над документами, запрещающими торговлю произведениями искусства⁹.

⁷ Луначарский А.В. Об искусстве: В 2-х т. / Сост., подгот. текста и примеч. И.А. Саца, А.Ф. Ермакова. М., 1982. Т. 2. С. 161–177.

⁸ Цит. по: *Мениль Жак*. Искусство в Советской России / Коммунистический бюллетень. 1922. № 8. Пер. автора.

⁹ «Декрет о запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» за подписью В.И. Ленина, А.В. Луначарского, В.Д. Бонч-Бруевича и Л.А. Фотиевой был обнародован 19 сентября

«Проект этот имеет целью устранить возможность поднятия цен на художественные произведения и скопления их в богатых руках. Предполагается, что все антикварные художественные произведения должны быть признаны народной собственностью и что они должны быть сконцентрированы в музеях, доступных всему народу», – писали газеты в январе 1918 года.

В июле коллегия Г.С. Ятманова учредила одну комиссию для контроля вывоза произведений за границу, а другая, во главе с В.П. Зубовым, начала проверку оставленных домов, торговых складов и рынков, где пыталась обнаружить оставленные владельцами картины, фарфор и бронзу. Члены этой комиссий, известные деятели культуры, были воспитаны в уважении к личности и частной собственности, и в оставленные хозяевами дома они входили с волнением, но все-таки шли туда, участвовали в отборе предметов, имеющих историческую и художественную ценность, составляли их описи. Все они хорошо понимали, что коллекции, брошенные на произвол судьбы, непременно погибнут, и не боялись упреков в превышении полномочий.

«Мы можем с гордостью и уверенностью отвести от себя это обвинение и сказать, что мы совершили чудеса в деле охраны таких памятников. Конечно, я отнюдь не хочу этим сказать, что за время революционных восстаний и боев не погибли отдельные художественные ценности. Мы знаем о

некоторых сожженных барских усадьбах, разрушенных библиотеках, раскраденных коллекциях и т. п. Но ведь надо же понять, что такое великое потрясение, как революция, не может не сопровождаться отдельными эксцессами. (...) Что касается музеев, то они находятся в самом образцовом порядке под руководством лучших музейных деятелей, они весьма обогатились благодаря перевозу в них произведений искусства и старины из барских особняков и усадеб», – писал Луначарский¹⁰.

В деле спасения художественных ценностей Половцову принадлежала особая, малоизвестная до настоящего времени роль: предложив Луначарскому превратить конфискованные в пользу государства частные дворцы в хранилища ценностей, свою должность директора музея в Павловске он хотел использовать для вовлечения профессиональных искусствоведов и реставраторов в процесс сохранения их коллекций, движимый чувством горечи от того, что его собственный дом был ограблен и подвергнут вандализму.

В декабре 1917 года по мандату, выданному А.А. Половцову А.В. Луначарским, в музей Штиглица перевезли собрание прикладного искусства из дворца великого князя Николая Николаевича – фарфор, хрусталь, резную кость и камень. В 1918 году он передал в музей часть своего личного художественного собрания и имущество с его дачи на Каменном

¹⁰ Луначарский А.В. Об искусстве: В 2-х т. / Сост., подгот. текста и примеч. И.А. Саца, А.Ф. Ермакова. М., 1982. Т. 2. С. 52–57.

острове.

А.А. Половцов беспокоился о коллекциях великого князя Павла Александровича, казненного в 1919 году в Петропавловской крепости. Павлу Александровичу и его супруге Ольге Валериановне Палей Половцов в Италии помогал формировать собрание и хорошо знал его уровень. Как член Комиссии изящных искусств Половцов добился, чтобы дворец Палей в Царском Селе, названный А.Н. Бенуа «элегантным осколком Парижа», после национализации стал «народным музеем». В парадных залах первого этажа появилась новая музейная экспозиция, а жилые помещения верхних этажей занял склад музейного фонда, куда определили царскосельские коллекции Кочубея, Вавельберга, Остен-Сакена, Стенбок-Фермора, Куриса, Ридгер-Беляева, Мальцева, Серебряковой и других. Первые экскурсии, устраивавшиеся два раза в неделю, проводила сама хозяйка, О.В. Палей, но впоследствии музей закрыли, некоторые коллекции возвратили прежним владельцам, часть предметов поступила в музеи, но большинство распродали.

В центре внимания Половцова все это время оставался Павловск с его неповторимым расположением, архитектурой и убранством. «Это не типичная резиденция монарха, великолепно обрамленная показной роскошью, а олицетворение вкуса хозяйки, интеллигентной и образованной. Я хотел бы уберечь этот особый дух прошлого в этом доме, полностью сохранить эту атмосферу, чтобы дух этот мог уси-

литься, если благочестивый и ревностный священник смог бы разжечь священный огонь и спасти этот чудесный аромат, исходящий от Павловска, для других поколений», – писал Половцов в эмиграции, считая себя наследником Павловска по крови.

Во дворце-музее за короткое время проделали огромную работу. В обстановке анархии, голода и холода Половцов, проведя часы за чтением бумаг Марии Федоровны, с ноября 1917 года занялся составлением описи собрания, боясь, что в случае «вторжения народных масс» уникальные произведения могут быть погублены или украдены. С наступлением весны он задумался о восстановительных работах в парке и необходимой во дворце реставрации, которую начал проводить на собственные деньги. В июне месяце 1918 года дворец открыли для публики.

Все это время директор музея испытывал огромные трудности. «Едва лишь я устроился в Павловске, как начались экскурсии „товарищей“, желавших что-то от меня получить. Им казалось, что до сей поры им ничего не принадлежало, а сейчас дворец, наполненный диковинами, принадлежит только им, и достаточно протянуть руку, чтобы взять все что угодно», – писал он впоследствии. Визитеры требовали отдать «для народа» фарфор, мебель и книги, которые на самом деле попадали в семьи «руководителей» культурой. Выданный Луначарским мандат не улучшал его положение, хотя свидетельствовал о его официальном назначении на долж-

ность директора музея.

Непонимание новой властью значимости музейных собраний и отсутствие закона, ограждающего культурное наследие России от любых посягательств, стало непреодолимым препятствием, которое вело любую деятельность Половцова в тупик. Он понял, что все задуманное им и его единомышленниками в Петрограде на деле оказалось «благим порывом» энтузиастов. «Многим из нас не повезло, – писал он позже, – или не хватило хитрости, чтобы избежать тюрьмы, где некоторые умерли или продолжали умирать, когда я уезжал. И все-таки многие из них отлично поработали...».

Александр Александрович Половцов, которому в жизни неизменно сопутствовала «любовь к тому, что прекрасно», чувствовал свою ответственность за произведения искусства, но никак не за народное достояние, и это усугубляло его душевное состояние. К концу осени 1918 года он понял, что оставаться в Петрограде для него стало опасно. Цель была достигнута, Павловск открыт для публики, его собственный дом разграблен, он побывал в тюрьме, жене постоянно угрожали. В такой обстановке назрело решение покинуть Россию. «Без паспортов и каких-либо документов, с очень небольшим багажом, обманывая слуг, чтобы они не сообщили о нас; одним словом, как обычные преступники, мы пересекли границу Финляндии», – писал Половцов.

Его пеший путь из России шел из Петрограда в Финляндию, потом по железной дороге – через Швецию и Норвегию,

оттуда на корабле – в Великобританию. Александр Александрович свободно говорил по-французски и по-английски, у него было достаточно друзей и знакомых в обеих странах, многие занимали высокие посты. Трудная дорога привела его в Европу, и в 1919 году он оказался в Лондоне.

Вскоре Половцов обратился в известный английский искусствоведческий журнал «Burlington Magazine» с просьбой опубликовать свое обращение к читателям, среди которых было много его соотечественников. Небольшое письмо «Спасение произведений искусства в России», обращенное к просвещенным читателям журнала, стало свидетельством из первых рук о том, что и как происходило с художественными сокровищами во время революции 1917 года.

В это время новости из России, достигшие Лондона, были случайными и ненадежными, а судьба произведений искусства – непонятной. К моменту издания письма на Западе знали только о казни царя, а история его семьи не была обнародована до 1926 года. О происходящем в России ходили мрачные и противоречивые слухи, поэтому письмо Половцова оказалось весьма важно для читателей. Охватывая краткий период событий в Петрограде в первый послереволюционный год, оно повествовало об эвакуации коллекций из Петрограда в Москву и найденных властью путях сохранения художественных ценностей.

«Когда все дворцы были объявлены общенародной собственностью, и толпа смогла ворваться и жить в чужих гости-

ных, нам удалось добиться того, что некоторое число лучших дворцов было объявлено общенародной собственностью. В них стали привозить на хранение произведения искусства с соседних улиц. Так были спасены дома графа Шереметева и графа Бобринского¹¹. (...) Около семидесяти человек по доброй воле к концу прошлого лета разделили город на несколько частей. Они убедили местные советы дать им свободу в выборе произведений, которые следует считать „национальным достоянием“, и сумели спасти немало произведений искусства. Конечно, это было возможно только в больших городах. В провинции, где были великолепные вещи, многие из них погибли», – свидетельствовал Половцов¹².

Текст письма заканчивался словами, что большевики, «желая казаться просвещенными», осознали, сколь необходима им помощь «своих людей», и Половцов сумел стать таким человеком. Наделенный полномочиями, он ездил по разным дворцам и, если не мог защитить памятники сам, давал советы представителям власти, помогал найти компетентных специалистов, которые могли следить за сохранностью собраний и составляли их описи.

Письмо 100-летней давности сегодня порождает много вопросов. Зачем Половцов писал этот текст? Что и кому хо-

¹¹ Дворец С.Д. Шереметева – «Фонтанный дом» (наб. реки Фонтанки, 34); Дворец А.Г. Бобринского (Галерная ул., 58–60).

¹² *Benson Ann. The Russian Revolution and The Burlington Magazine: A letter from Alexander Polovtsov // Burlington Magazine. 2017. № 2.*

тел объяснить? Что в тот момент понимал сам? Ответы на них крайне непросты. Скорее всего, имея на Западе большое количество знакомых и друзей-эмигрантов, он хотел заверить их, что многие частные художественные коллекции целы и находятся в безопасности, стремился обнадежить владельцев, что их собрания, введенные в состав государственный музеев, смогут к ним вернуться. Возможно, как многие другие, он рассчитывал на скорую смену режима и верил, что ему, очевидцу событий и эксперту с европейской репутацией, поверят, и это свидетельство поднимет его авторитет в антикварном мире Европы, с которым он готовился сотрудничать...

Однако пройдет менее 10 лет, и Половцов получит возможность убедиться в своих заблуждениях. Из Парижа он узнает о закрытии в Царском Селе музея во дворце Палей, часть произведений из него поступила в музеи города, но многие – проданы. В 1928 году на аукционе в Лондоне вещи Павла Александровича были распроданы, и скоро О.В. Палей обнаружила принадлежавшие ей произведения искусства в Англии. Она подала иск к их новому владельцу Норману Вейсу, но ответчик отрицал их незаконное присвоение, доказав, что приобрел коллекцию у Российского правительства, которое в 1924 году признано Британским правительством де-юре.

Протесты О.В. Палей и попытки вернуть свое собрание успеха не возымели, и Половцов ничем не смог ей помочь.

Созданный юридический прецедент после дела «Вейс – Палей» привел к тому, что никто из бывших владельцев коллекций не смог требовать возврата своих вещей, продаваемых с аукционов. Княгиня Палей истратила на судебные процессы последние силы: печальная история стоила ей денег, здоровья и, в конечном итоге, жизни.

Впоследствии сам Половцов был обвинен в продаже в Европу уникальных ценностей: ему приписали кражу из Гатчинского дворца двух уникальных ювелирных изделий – яиц, изготовленных фирмой «Фаберже». Информация об этом до сих пор встречается в различных публикациях, хотя компетентные исследователи истории фирмы «Фаберже» давно аргументировано доказали несправедливость обвинения: А.А. Половцов на деле привлекался только в качестве эксперта для определения подлинности произведений, которые американский промышленник Джон Уолтерс пожелал приобрести для своей галереи. Став одним из самых важных клиентов Половцова, с его помощью Уолтерс в Париже в конце 1920-х – начале 1930-х годов сформировал свое собрание, которое хранится сегодня в Художественном музее Уолтерса в Балтиморе.

Остаток своей жизни Половцов провел в Париже, здесь написал книгу о работе во дворцах Павловска и Гатчины, с которыми был непосредственно связан. Его мемуары не дают представления о двадцати шести годах, проведенных в эмиграции, однако упоминают о его поездке в Копенгаген в

1929 году на похороны императрицы Марии Федоровны.

Половцов всю жизнь был чрезвычайно деятелен и сохранял интерес к русскому искусству, работал как профессиональный эксперт-искусствовед, владел антикварным магазином в Париже. Дважды его привлекали к созданию выставок произведений русского искусства в Брюсселе и Лондоне. «Выставка русского искусства старого и нового»¹³ прошла в 1928 году во Дворце изящных искусств в Брюсселе, став одним из первых показов русского искусства в Европе. На ней было представлено более тысячи произведений русских художников – от иконописцев до театральных декораторов, а сам Половцов во время работы выставки прочел лекцию о создательнице Эрмитажа и покровительнице искусств – императрице Екатерине II. Скорее всего, именно в это время он задумал свои книги о Петре Великом и Екатерине Великой.

Вторая выставка состоялась в Лондоне в 1935 году, и ее организаторы, возглавлявшие выставочный комитет, писали во введении к каталогу: «В трудной задаче выбора произведений для выставки комитету посчастливилось опираться на мнение непревзойденного знатока и преданного энтузиаста месье А. Половцова»¹⁴.

Половцов умер в Париже в 1944 году и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа. Он не был профессиональным историком, хотя интересовался историей всю жизнь.

¹³ Exposition d'art russe ancien et moderne. Brussel, Palais des Beaux-Arts. 1928.

¹⁴ Каталог выставки русского искусства. London. 1 Belgrave Square. 1935.

Его отец стал одним из основателей, а затем председателем Императорского Русского исторического общества, при его инициативе и финансовой помощи выходил «Русский биографический словарь». В эмиграции занятия историей не стали для Половцова-младшего основным видом деятельности, его привлекла работа эксперта на аукционах русского искусства и антикварный бизнес. Научными исследованиями он не занимался – он по-житейски смотрел на биографии своих героев: Петра I, Екатерины II, Г.А. Потемкина, Г.Г. Орлова и других. Размышлял о роли личности в истории, он, вполне вероятно, думал и о себе...

Книга о Петре Великом – живое подтверждение связи Александра Александровича Половцова с родиной. В ее основе – взгляд человека «издалека» на свою страну, которым он был готов поделиться с западными читателями, мечтал, чтобы они обрели Россию, которую он утратил.

*Елена Кальницкая,
генеральный директор ГМЗ «Петергоф»,
доктор культурологии, профессор*

Образ императора Петра Великого в печатной графике

Во время первого пребывания в Голландии Петр, поступивший на работу на корабельную верфь, пользовался необыкновенным вниманием как у представителей высших сословий, так и у простого народа: публика ходила на него смотреть. Современники отмечали, что это ему не нравилось. Портретировался он только потому, что необходимо было дарить портреты по дипломатической необходимости, и нельзя утверждать, что он проявлял особенные усилия для распространения своих портретов среди широкой публики. Но жажда увидеть необычного русского царя с той поры в Европе никогда не иссякала. Его образ, настолько разнообразный, что порой неузнаваемый, постоянно присутствовал в западной культуре. В России потребность в распространении портретов Петра Великого актуализировалась после того, как русские императрицы, определяя себя его преемницами, мифологизировали представление о предшественнике и четко определили историческую взаимосвязь между его правлением и своим. Образ был переосмыслен и обрел в русской печатной графике черты идеальные в сфере высокого искусства и сказочные – в сфере народного. Огромное количество умелых (и не очень) граверов, а в XIX столетии

– литографов, брались за изображение Петра Великого и истории его жизни.

Для России всегда оставался важным вопрос репрезентативного представления первого императора. При этом именно у нас сложился самый «народный» образ Петра, такой, каким его хотели видеть простые горожане и крестьяне. В русских портретах мы видим Петра I в каноничном образе императора, победителя врагов и устроителя России. Хотя официальные портреты уже в середине XVIII века отличались друг от друга: Петр становился все более красивым и величественным, – идеальным [1,2]. И рядом существовал «народный» вариант, со всеми императорскими атрибутами, но «иной», – Отца Отечества [3], что проявлял попечение о людях: учреждал школы, больницы и разрешал воинам не поститься во время походов, ценил смекалку и находчивость. Такой портрет мог быть приколот к стене, к крышке сундука, даже рядом с иконами, с ним разговаривали.

За границей портретам Петра постоянно уделяли большое внимание: его гравировали и литографировали для книг, выпускали отдельными листами. В XIX столетии особенно преуспела в этом Франция. Среди исторических оригиналов выбирались для воспроизведения те, что подчеркивали его отличие от современных ему французских правителей. Так, получил распространение его образ в костюме, сочетавшем кирасу воина и «оплечье» с меховой отделкой и драгоценными камнями, ассоциирующееся с «русским костю-

мом» [4]. Другой крайностью стали образы русского императора как путешественника, искателя приключений, подвигов, славы, – какими были французские мушкетеры [5, б].

Особую группу портретов в XIX веке составили многочисленные воспроизведения самых популярных трех его образов. Два из них происходят от прижизненных изображений, написанных, один, в Англии придворным художником Неллером [7], другой – в Голландии Моором для дипломатического представления царя [8]. Третий был создан во Франции Деларошем в середине XIX века [9], но по популярности и частоте воспроизведений сравнялся с первыми. Интересно, что в эмоциональных характеристиках они совпадают – портреты эмоциональны, представлен решительный, деятельный и серьезный правитель. Это образ новой России.

Среди деяний Петра I изображались разные, но особенно важными были представляющие его ипостась великого полководца и, конечно, в знаменитой Полтавской битве успешного флотоводца [10], а также, безусловно, в битве при Гангуте [И]. Первая гравюра была заказана Петром во время его пребывания в Париже, одновременно с заказом картины оригинала. По сию пору эта классическая композиция, уравновешенная и созданная по европейским образцам, эталонна и широко известна, и в ней Петр – полководец из книги об искусстве воевать. Сражение на море изображено русским гравером, оно динамично и эмоционально до аффекта. Оно было создано сразу после события, и в нем очевидна сию-

минутность, есть впечатление натиска и удачливости флото-водца более, нежели его искусства. Такое прочтение образа петровых деяний более никогда не повторилось.

Из государственных реформ и преобразований императора изображалось много сюжетов. Среди них одним из основных была Северная война. В правление Александра II главным было показать значение ее результатов в становлении государства и в его развитии. Сюжет о провозглашении Ништадтского мира в этом смысле был показателен – это ве-ха, которая отметила начало качественно нового этапа истории России [12]. Для формирования представления об основательности подхода Петра Великого ко всем делам важнейшими всегда оставались темы, связанные с его обучением мастерству кораблестроителя в Голландии, и они издавались во множестве [13]. Редким, но весьма показательным является сюжет о победе в словопрениях молодого Петра над раскольниками. Гравюра, заказанная к изданию «Деяний Петра» И.И. Голикова, показавшая благочестие царя и его внимание к проблемам православной церкви, выдержала несколько изданий [14]. Это демонстрирует попытки в конце XVIII века нивелировать все отрицательные моменты отношений первого императора с русской православной церковью. Что же касается сюжетов о женитьбе царя на женщине не родовитой и со странной репутацией, то здесь показывались и его воля, и его умение сделать так, как ему угодно было. И, конечно, это – о том, что Петр мог силой своих же-

лений, усилий и провидения даже из служанки сделать царицу [15].

*Мария Платонова,
хранитель фонда гравюры ГМЗ «Петергоф»,
кандидат искусствоведения*

ПЕТРЪ ВЕЛИКІИ

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКИИ

Отецъ Отечества

Petrus Magnus
totius Russiae Imperator et Autoorator
Pater Patriae

[1] Зубов, А.Ф. (1682–1751) (?) по оригиналу Таннауэра
И.Г. (Tannauer, J.G. 1680–1737)

Портрет императора Петра [I] Великого. 1742–1780

Бумага, гравюра меццо-тинто

Д.: 34,2 × 23,7; л.: 47,4 × 34,7 см

ПЕТРЪ ВЕЛИКІИ
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІИ
Отецъ Императрицы . Родился Маія 31 числа 1672
г. умре въ 1682 году Сентября 28. в 1723 году .

PETER der GROSSE
KAYSER und SELBSTSTREITSCHER
von gantz Rußland geboren d. 31. May 1672.
kam zur Regierung 1682. Starb d. 28. Jun. 1725.

[2] Соколов И.А. (1717–1757) по оригиналу Каравака Л.
(Caravague, L. 1684–1752/54)

Портрет императора Петра [I] Великого. 1735–1755

Бумага, гравюра резцом

И.: 32,8 × 25,8; д.: 35,7 × 26,7; л.: 38,1 × 29,2 см

[3] Неизвестный гравер **Портрет императора Петра I.**
1760-1790

Бумага, гравюра резцом

И.: 13,2 × 11,5; л.: 15,4 × 11,9 см

Tableau du temps

*Pierre 1.er (Alexionitich) Czar, puis empereur de Russie,
surnommé le grand. 1725*

Diagraphetel. Fanlographoherard

[4] Педретти В. (Pedretti, V. 1779–1868) по оригиналу
Верффа П. ван дер (Werff, P. van der 1665–1777)

Портрет императора Петра I. 1838

Бумага, гравюра на стали

И.: 11,4 × 9; л.: 23,3 × 17,3 см

[5] Бертонье П.Ф. (Bertonnier, P.F. 1791–1848) по оригиналу Девериа А. (Deveria, A. 1800–1857)

Портрет императора Петра I. 1825

Бумага, гравюра на стали

И.: 11,3 × 8,4; л.: 18,9 × 14,1 см

Vernier del.

Lenoir fecit.

Horsé Sc.

Pierre 1er

[6] Море Ж.-Б. (Moret, J.-B.) по оригиналу Верне О.
(Vernet, Н. 1789–1863)

Портрет императора Петра I. 1838

Бумага, гравюра на стали

Л.: 21,9 × 14,3 см

[7] Гритбах У. (Greatbach W около 1802–1885) по оригиналу Неллера Г. (Kneller G. 1646–1723)

Портрет императора Петра I. 1820–1850

Бумага, гравюра на стали

Л.: 27,3 × 19,3 см

Ch. Boucher pinx.

J. Nodding sculp.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

L. M. P. P. P. P.

[8] Меку И. (Mesou I. 1771–1837) по оригиналу Беннера
Ж.А. (Benner J.H. 1776–1836)

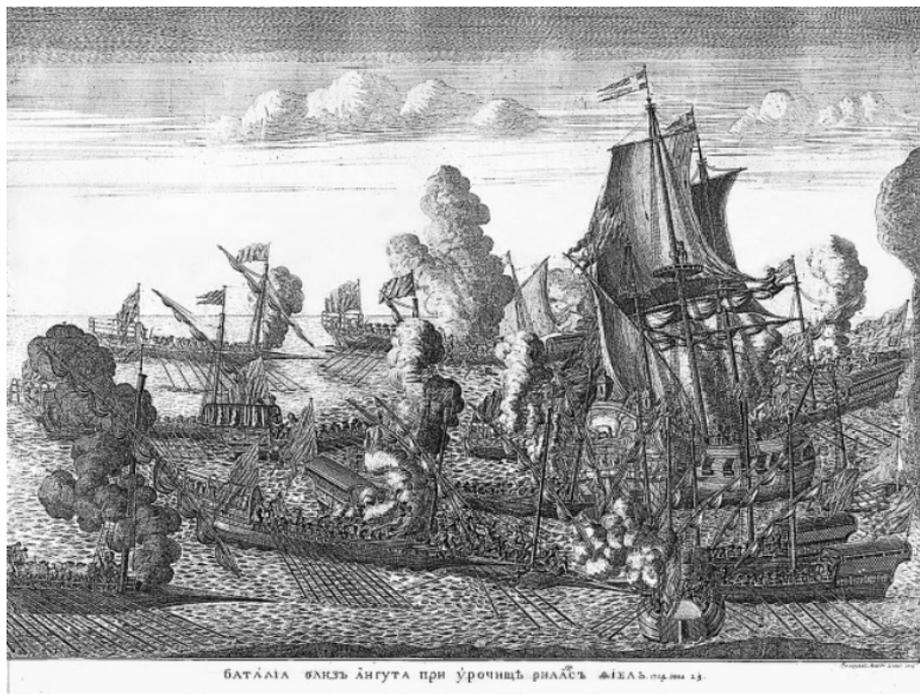
Портрет императора Петра I. 1820

Бумага, гравюра пунктиром, резцом

И.: 18 × 14,5; д.: 29,9 × 22,1; л.: 42,4 × 28,8 см

л.: 52,6 × 72,6 см

БАТАЛІА ФЛІЕТЪ ГАНГУТА ПРИ УРОЧИЩЕ РИЛАКСЪ ЖІЗЕЛЬ 1714. г.

[11] **Зубов А.Ф.** (1682/83-1751)

Битва при Гангуте [при урочище Рилакс] 25 июля 1714.

Оттиск 1980-х годов

Бумага, гравюра офортом

И.: 48,3 × 66,8; д.: 51,2 × 67,6; л.: 71,9 × 93,5 см

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ възвѣщаетъ въ С.Петербургѣ народу о заключени мира съ Швеціей, день 4 Сентября 1721 года.

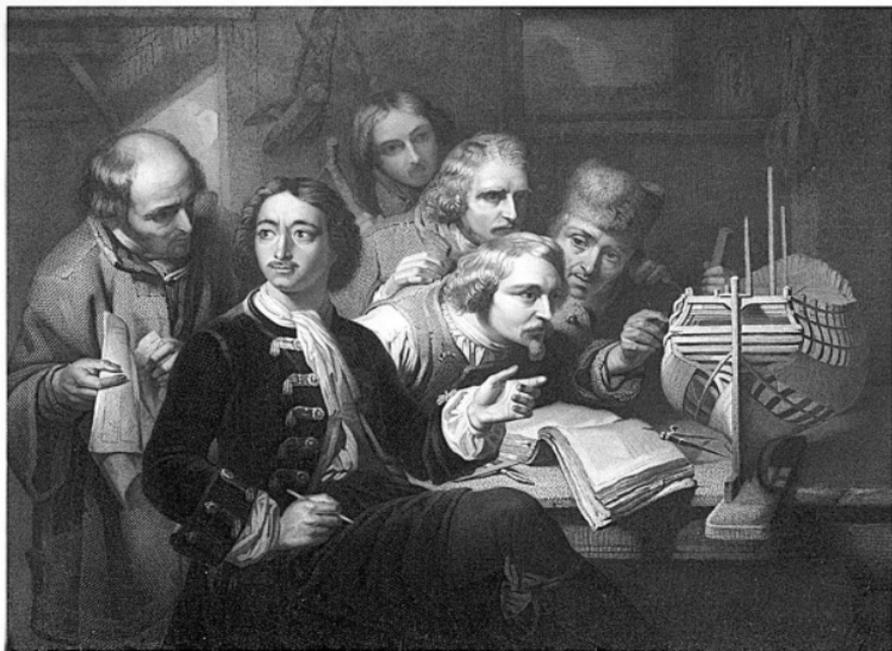
[12] Тимм В.Ф. (1820–1895) по оригиналу Шарлеманя А.И. (1826–1901)

Петр Великий возвещает в Санкт-Петербурге народу о заключении мира с Швецией, день 4 сентября 1721 года. 1860

Издание Тимма В.Ф. (1820–1895)

Бумага, литография

И.: 27,5 × 34,3; л.: 31,5 × 39,3 см

PIERRE-LE-GRAND A ZAANDAM.

[13] Михельс Ж.-Б. (Michiels, J.-В., 1821–1890) по оригиналу Вапперса Г. (Wappers G. 1803–1874)

Петр Великий в Заандаме. 1858

Бумага, гравюра на стали

И.: 26,6 × 35,4; д.: 40,7 × 44,8; л.: 48,6 × 52,3 см

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

*Полководца на истребленъ оубо, ставша разсудителна въ божественной Навиинъ сѣбителъ расколу съставилъ, истребительски въ божественно собрание въ стору
очевъ притомъ. На сѣхъ Полководца въ историческомъ произраженіи, оубо истинно пророчествомъ по словесахъ пророка, въ исторіи по божественно собранию.*
гравированъ Миколаевъ въ 1800-1850-хъ годахъ

[14] Неизвестный гравер

История Петра Великого: Петр I усмиряет расколь- ников. 1800-1850

Бумага, гравюра резцом, пунктиром, акварель

И.: 34,4 × 49,9; л.: 41,8 × 52,7 см

[15] Неизвестный гравер

Петр Великий берет от князя Меншикова Екатерину. 1830-1850

Бумага, гравюра пунктиром, акварель

И.: 23,5 × 31,5; л.: 30,7 × 35,6 см

I. Историческая роль Петра Великого

Никто из смертных не может избежать своей судьбы. Каков бы ни был он, сильный или слабый, внимательный или безмозглый, каждый из нас продвигается вперед по определенной тропе, и хотя ему кажется, что он сам ее себе выбирает, на самом деле главную роль в этом деле играет не его воля, но его бессознательные реакции на их, по-видимому, случайные обстоятельства, в которые его поставило Провидение. Он может использовать их или же в некоторой мере может ослабить их последствия, если сочтет таковые для себя невыгодными. Большинство только приспособляется к ним, не стараясь их менять, ибо у рода людского преобладает то стремление, которое сопряжено с наименьшим усилием.

Однако, если таково общее правило, оно не чуждо исключений всякого рода и порядка. Хотя многие довольствуются тем, что само идет им навстречу, не умея искать ничего другого, подчас рождаются существа иного склада: они не довольствуются столь посредственным уделом и нарочно отходят от той колеи, которая, казалось, должна была направить их земное поприще. Они ломают поставленные вокруг преграды, стараясь воплотить заложенный в них и только им понятный идеал. Для него они готовы пожертвовать всем.

Ничто другое постороннее им не ценно. Их жизнь становится импровизацией, не связанной с тем, что обещала осуществить их наследственность, и они ставят ни во что те блага, коих ищут другие: личное благополучие, популярность, подчас даже доброе имя, традиции предков, обогащение родственников, словом, все, о чем хлопочут тысячи окружающих нас людей. Для них это не жертва, не ущерб, с которым надо мириться. Такого рода заботам попросту места нет в том нравственном горении, которое зажгла в этих людях их собственная искра. Соображения, чуждые их видению, им не интересны, и нельзя мерить их деятельность общепринятым мерилom, определенным по чуждым им началам.

Но то, что для них основная истина, часто кажется их современникам лишь причудой, обреченной на неуспех, и подвиг их бывает подчас оценен лишь позднее, когда новое поколение успело пожать плоды их усилий. Тогда только человечество видит, что эти безумцы направили хромые шаги цивилизации к новым, еще неведомым областям. Когда же рок вручил такому идеалисту судьбу целого народа, как это случилось с Петром Великим, его труды порождают мировой переворот.

На самом деле среди этих пионеров мышления царь Петр заслуживает внимания истории как выдающийся пример, ибо исполинская работа, им выполненная, была вдохновлена одной только двигательной силой – его патриотизмом. Этот несокрушимый патриотизм, толкавший его днем и но-

чью трудиться без устали, дабы приобщить его отечество к тому, что принято называть благами европейской культуры, был не только основой его ежедневных хлопот, но, скорее, категорическим и даже тираничным императивом, которому он все принес в жертву, и в первую очередь свое личное благополучие.

Трудно было бы придумать жизнь какого угодно государя более тяжелую и более лишенную удобства, чем жизнь Петра до последних четырех годов его царствования. Лишь по заключении Ништадтского мира в 1721 году, т. е. выдержав двадцать с лишним лет упорной войны против Швеции и видя, что создание его наконец стало на прочном основании, он позволяет себе предаться роскоши относительного покоя. До того необходимость ковать оружие и все проверять лично не дает ему ни минуты передышки и покоя. Маршруты его передвижений за двадцать один год Северной войны едва ли могут врезаться с точностью в самую твердую память. Возьмем для примера года, не отмеченные никаким перво-степенным происшествием. 19 декабря 1705 года он вернулся в Москву из Польши, где пытался укрепить шаткий престол Августа II, курфюрста Саксонского, избранного в польские короли по почину Петра и одолеваемого сильными врагами. Меньше месяца спустя, 13 января 1706 года, он уже едет в Гродно, 28-го он в Смоленске, три дня спустя – в Орше; 15 марта снова в Смоленске и 1 апреля – в С.-Петербурге. Тут он остается два месяца и строит новый город, осно-

ванный тому назад три года, но 16 июня он снова в Смоленске, 21-го – в Орше, 22-го – в Могилеве, 8 июля – в Киеве, 30-го – в Чернигове. 22 августа он опять в С.-Петербурге, но 24 декабря, в Сочельник, он уже в Киеве, откуда возвращается в Польшу. Там он остается (все в разных местах) до осени 1707 года.

23 октября он снова в С.-Петербурге, еще успеваешь неделю спустя плавать по Балтийскому морю под угрозой наступающей зимы, и 5 декабря он в Москве. Однако месяц спустя, 6 января, он опять едет в Польшу, к армии. 28 марта он в С.-Петербурге. И эти беспрестанные переезды, вызванные потребностями войны, продолжаются безостановочно из года в год.

Меры, принятые Петром для улучшения своих войск, увенчались значительным успехом и дали ему наконец решительную победу под Полтавой 27 июня 1709 года. Этот день знаменует собою начало расцвета России и падения Карла XII, но десяти годам суждено было еще протечь, пока торжество Петра не стало окончательным. Тут выросла новая забота, старание поддержать хотя бы кажущееся единение между союзниками, которых он сумел собрать против Швеции: Пруссия, Дания, Польша, Саксония, Гольштиния, Мекленбург безостановочно обвиняют друг друга в самых злостных кознях; единодушны лишь требования их о денежных выдачах, но их рознь навязывает царю те же постоянные скитания. В 1716 году Петр едет 27 января с женой и

племянницей Екатериной Ивановной, дочерью его покойного брата, царя Ивана Алексеевича, помолвленную с герцогом Мекленбургским. Через Нарву, Ригу, Митаву и Либаву они приезжают 18 февраля в Данциг, где их встречает жених царицы и где они празднуют свадьбу 8 апреля. Десять дней спустя Петр в Кенигсберге,

1 мая – в Штетине, 15 – в Зисмаре, 17 – в Гамбурге, 18 – в Альтоне. Здесь у него назначено свидание с его союзником, датским королем. 23 мая он едет через Гамбург в Пирмонт, где продельвает курс лечения минеральными водами до 14 июня. 15-го он в Ганновере, 19-го – в Шверине, 22-го – в Ростоке, 5 июля – в Копенгагене. В Дании он остается три месяца, все стараясь осуществить высадку в Швеции. Препоны и оттяжки, созданные его союзниками, заставляют его отказаться от этого замысла, и 16 октября, через Фридрихштадт и Любек, он возвращается в Шверин провести пять дней у молодой мекленбургской четы. Жена его, беременная, остается у племянницы, Петр же едет в Бремен и в Амстердам, куда приезжает в начале декабря. 2 января 1717 года царица разрешается от бремени сыном, прожившим всего сутки. Месяц спустя,

2 февраля, она уже с мужем в Голландии, где Петр остается до марта месяца, устраивая свою поездку во Францию. Тем временем он покупает картины и осматривает голландские города, в каждом из которых находит чему поучиться. 30 марта он в Антверпене, оттуда через Дюнкирхен въезжает

во Францию. Тут он остается два с половиной месяца, проявляя неутомимую деятельность; 14 июня он в Спа, где опять проделявает лечение; месяц спустя он в Ахене и 22 июля – в Амстердаме. 22 августа, через Везель и Магдебург, он едет в Берлин, куда приезжает 8 сентября. 18-го он в Данциге, 7 октября – в Нарве и, наконец, 10 октября 1717 года он возвращается в С.-Петербург после 20-месячного отсутствия.

Если представить себе неудобства путешествий в те времена, почтовые клячи, тянущие громоздкие экипажи по разным дорогам, ночлеги в сельских харчевнях, поневоле преклоняешься перед энергией, потребной для таких долгих поездок.

Когда наконец великий преобразователь опять дома, ему предстоит упорная работа по управлению своей страной; плохо еще смазанные и налаженные колеса нового административного аппарата требуют от Петра того же забвения собственного покоя, вызывают тут же необходимость отдавать себе отчет обо всем самому, сколько бы это ни вызывало поездок в Архангельск, в Азов, в Воронеж, в Олонец, из конца в конец необъятной России.

Из всех знаменитых изречений Петра наиболее типичным остается то, которое он включил в свой приказ, обращенный к армии в то утро Полтавской битвы: «Вот пришел час, который решит судьбу отечества. И тако не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за прославленную нашу

Веру и Церковь... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе».

Если бы ему суждено было погибнуть в бою, эти слова остались бы его политическим завещанием (единственным, какое он составил). Достаточно проследить его жизнь из года в год, чтобы убедиться, насколько патриотизм всегда стоял в нем на первой очереди.

Нелегко воссоздать наружный облик столь беспокойного существования. Само собой, этикету в нем места не было. Век тот был веком Людовика XIV, но жизнь французского короля в Версале и в Марли, застывшая в неподвижном церемониале, не имела ничего общего с беспорядочной спешкой рабочих дней Великого Петра. Он вставал обыкновенно в 4 часа, обедал в 11, после чего спал (когда это ему удавалось), а затем бежал тормошить своих сподвижников или углублялся в какое-нибудь полезное занятие до вечера. К концу дня он опять рассылал письменные распоряжения в разные углы своей обширной империи. Распределение его времени записывалось секретарем в дневнике, и эти «журналы» были отпечатаны; по ним можно проследить механизм этого изумительного царствования. Но где найти ключ к тайным пружинам бурных переживаний Петра, нравственных его воздействий перед огорчениями и досадами, из коих соткана основа нашей жизни? Получал он их свыше мер, но мы можем о том судить лишь в качестве зрителей, а не посвященных в его переживания друзей, ибо он не высказывал

кому бы то ни было, по каким соображениям действовал. Он молча выносил упорную борьбу и в большинстве случаев сумел восторжествовать над невзгодами, но решительность наносимых им ударов (вызванная по большей части желанием действовать быстро) забрызгала его память обвинением в жестокости, далеко не всегда заслуженным. Не надо в этом вопросе упускать из вида обычного варварства его времени и его среды, ни диких нравов его страны, коих он был отголоском.

В этом молчаливом и неуклонном упорстве кроется в значительной мере загадка его личности, столь сбивчивой на первый взгляд, но столь привлекательной при более подробном изучении.

К сожалению, немногие занявшие им историки едва ли написали с него похожий портрет. Что же касается полного анализа этого тысячегранного человека, никто еще не приступал к нему.

Первый в Европе историк, попытавшийся составить его биографию, был Вольтер. Выпустив свою историю Карла XII, этот остроумный автор сообразил, что в рассказанной им эпопее первостепенная роль принадлежала не капризному рыцарю, избранному им в герои своей повести, но, скорее, славному неприятелю шведского короля: жизнеописание Петра представляло еще куда более заманчивую тему. Уже в 1739 году, всего через четырнадцать лет после смерти императора, Вольтер стал собирать про него сведения.

Два года спустя, в 1741 году, дочь великого преобразователя Елизавета Петровна вступила на престол. Она прослышала про намерения французского литератора, имя которого уже успело прогреметь в Европе, и дала ему заказ на биографию Петра, причем обязалась доставлять автору все на то потребные материалы. Она готова была платить, благо столь знаменитый писатель собирался прославить священную для нее память великого отца ее. Вольтер оказался в незавидном положении: он располагал лишь теми данными, которые ему сообщались из С.-Петербурга. Их переводили и просматривали академики, которым императрица доверила эту работу; главным образом, Ломоносов и Миллер. К тому же Вольтер брался за непосильную работу: он понятия не имел о том языке, на котором герой его книги написал свои бесчисленные письма; он не знал ничего про ту страну, преобразование которой брался описать; он не только никогда не видел ее, но не был в силах ее сколько-нибудь себе представить. В виде поправки к таким невыгодным условиям было постановлено, что каждая глава его сочинений могла быть отпечатана лишь после получения на нее одобрения из С.-Петербурга. Никто не смог бы написать серьезной истории при такой схеме работы, но, несмотря на это, книжонка Вольтера на протяжении двух веков осталась для французской публики наиболее известным сочинением про Петра Великого.

Даже по-русски не существует еще полной и правдивой истории гениального государя, хотя труды Устрялова, Пла-

тонова и Ключевского во многих отношениях пролили новый свет на его жизнь. Его переписка, в которой деяния его отражаются с поразительной силой, еще не напечатана целиком. Первый том ее появился в 1887 году, но издание прервалось в 1918 году на седьмом томе, доходящем лишь до 1 июня 1706 года. Приложения к этим томам содержат ответы на утраченные письма Петра, и по одному только первому тому (обнимающему 1688–1701 года и содержащему 402 подписанных Петром документа) видно, что за эти четырнадцать лет его молодости двести пятьдесят его писем не дошли до нас. Петр всегда торопился и далеко не всегда успевал сохранять отпуски своих писем; он, вероятно, отсылал их, как только они были написаны, и во многих случаях можно судить о них лишь по ответам, поступившим в Государственный архив.

Для четырех последних лет его жизни, от 1 июня 1721 года до января 1725 года, существует мало кому знакомый документ, заслуживающий, однако, гораздо большей известности. Это дневник Берггольца, проживающего эти годы при Дворе Петра. Немецкий его текст редко попадает: он заперт в тома (от XIX до XXII) Бюшинговского «Magazin für die neue Historie und Geographie», полная серия коего в двадцати пяти томах появилась в Гамбурге между 1767 и 1793 годами. Русский его перевод был издан в двух томах в Москве Амоном в 1858–1860 годах и стал библиографической редкостью, хотя появился вторым изданием.

Фридрих-Вильгельм Берггольц (1699–1765) был камер-юнкером, а потом камергером Карла-Фридриха, герцога Голштинского (1700–1739). В 1721 году он приехал в Россию со своим государем и остался там до конца царствования Екатерины I. Берггольц записывал, насколько умел точно и подробно, все, что проходило перед его глазами. После его смерти его рукопись попала к Бюшингу (1724–1793). Это был пастор, служивший (от 1761 по 1765 г.) в лютеранской церкви Св. Петра в С.-Петербурге. Вернувшись в Германию, Бюшинг, историк в душе и потому обуреваемый страхом, знакомым всякому историку, что неизданные документы могут погибнуть, стал издавать те, которые он находил. Ему мы обязаны за обнародование дневника Берггольца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.